

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

УДК 008.009:3

КУЛЬТУРОЛОГИЯ КАК РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВА ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Гертнер Светлана Леонидовна, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и антропологии, Московский государственный университет культуры и искусств (г. Москва, РФ). E-mail: gertnerlana@gmail.com

Китов Юрий Валентинович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского института толерантности и межкультурных коммуникаций, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: vkitov@gmail.com

В статье ставится вопрос об эффективности культурологии, который включает роль государства в развитии культурологической науки. Утверждается, что критерии эффективности-неэффективности, применяемые к оценке деятельности вузов, оказываются слабо применимыми к оценке состояния культурологии. Утверждается, что значимость культурологии содержится не в экономической эффективности или количестве выпускников, а в уровне гуманитаризации общества. Культурология в своем распространении в СССР, а затем в России оказалась независимой от экономики и даже политики. Так, период ее широкого распространения приходится на 90-е годы прошлого века, экономику и политику которых трудно представить в положительном измерении. Сравнивается загруженность современного российского профессора с загруженностью профессора в СССР. Утверждается, что пролонгация экстремальной загруженности современного российского профессора негативно отражается на выполнении им научной работы, что ставит под сомнение инициативу перевода научных исследований с академических институтов в вузы.

Ключевые слова: культурология, преподавательская нагрузка, наука и государство, социальное развитие.

CULTURAL STUDIES AS REALITY AND PERSPECTIVES OF SOCIAL DEVELOPMENT

Gertner Svetlana Leonidovna, Doctor of Phiosophic Sciences, Professor of the Chair of Culturology and Anthropology, Moscow State University of Culture and Atrs (Moscow, Russian Federation). E-mail: gertnerlana@gmail.com

Kitov Yuriy Valentinovich, Doctor of Phiosophic Sciences, Professor, Senior Researcher at the Center for Tolerance and Intercultural Communications, Kemerovo University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: vkitov@gmail.com

The effectiveness of the Culturology in contemporary Russia depends not so much on intellectual pursuits of its scholars or scientific achievements of their pupils but on how the Russian State views the significance of Culturology for the Russian economy and politics in edition to how many University's graduates chose Culturology as their major. Thus the criteria of "effectiveness – non-effectiveness," which is applied by the country's Ministry of Education to rate Russian universities where Culturology is being taught, does not earn this discipline much credit in the eyes of Russian educational officials. This in turn provides a narrow venue for those who ran the country to understand what Culturology is about. The article challenges the idea of linking the Culturology to economic indicators and political gains of the Russian State, suggesting that the contribution of Culturology to the county's development stems from its potential in humanization of society.

Thus Culturology could and should make good use of Russia's cultural riches to make the Russian people better citizens. Theretofore Culturology should be accounted exactly for that and not for something else. Which means that Culturology should be seen as the means of social development. Another issue is what does the "humanization of society" mean and how should it be achieved and evaluated? Culture is the most suitable sphere to look for the answers to this question and Culturology is the most suitable entity to guide those looking for answers. Thus Culturology indeed could provide a benefit to the country's economic and political development though it requires an effort on the part of the statesmen to understand and see how it could. No wonder that the most noticeable development of Culturology in Russia happened in the 1990s, when Russia after long stagnation was looking for new ideas to refresh its economy and political system.

The authors are describing the damage that a politico-economic approach has made to the Culturology by laying out a set of activities the state required from a professor teaching the Culturology. The enormous workload of the contemporary Russian professor exacerbated by the constant changes in the country's educational doctrine that is ostensibly supposed to "lift Russian Universities" to "European levels" is detrimental to the quality of Culturology. A professor in the USSR enjoyed less paper work and more academic freedom than his counterpart in contemporary Russia. The analysis leads the authors to the conclusion that the latest initiatives of the Educational Ministry to move all research activities from Russia's academic institutions to Universities would not succeed without a complete overhaul of Russian University education and Culturology in particular.

Keywords: Culturology, professor's workload, the science and the state, social development.

Со времени своего возникновения, как это может и ни показаться странным, развитие культурологии в своих фундаментальных и интегральных формах оказалось возможным только в СССР, а затем в России во второй половине XX века. 90-е годы, принешие разруху в отечественную экономику, политику и социальную сферу, оказались благоприятными для достижения культурологией своей интеллектуальной, однако не материальной полноты. Данное обстоятельство, возможно, выступило не последним моментом в том, что гуманитарная элита приняла непопулярные реформы, которые причудливым образом сочетали закрытие предприятий с открытием перспектив в науке, искусстве, образовании; сокращение производства – с возрастанием количества высших учебных заведений. Сегодняшние факты закрытия вузов свидетельствуют о том, что процесс сокращения производства коснулся уже и сферы образования. Однако, если его (процесса) действие, приводящее к закрытию вузов еще можно объяснить критерием эффективности-неэффективности, то сокращение составляющих культурологии в номенклатуре специальностей по подготовке научных работников критерием неэффективности объясняется уже недостаточно. Так сегодня еще можно защитить диссертацию по культурологии и получить диплом культуролога, однако не историка, философа, социолога и т. д. Иными словами, занимаясь историей культуры,

сегодня можно стать только культурологом, но не историком. Со времени введения культурологии в вузовское образование и деятельность диссертационных советов издано множество монографий, учебников, учебных пособий и статей, предложено множество определений культуры, тем самым о ее неэффективности, по крайней мере, со стороны количественной составляющей говорить представляется некорректным. О качественных характеристиках можно всегда спорить, однако сам спор является доказательством того, что предмет спора имеется в реальности. Вместе с тем судьба культурологии представляется печальной, исходя не из количественных и качественных ее характеристик, а по внешним для нее обстоятельствам. Культурология стала объектом управления, субъект которого находится за ее пределами. Не культурологи принимают решения о направлении и формах ее развития, а бизнес и даже в большей степени – государство. Интересно, что роль государства как субъекта культуры и не только в разрезе формирования и осуществления культурной политики, а именно в плане его (государства) существенного влияния на становление культурологии также нашла отражение в культурологических исследованиях. Причем не со знаком минус. Так, существует мнение, что культурология как знание о культуре возникает именно потому, что культура становится объектом управления: «Моя позиция по этому вопросу заключа-

ется в следующем: знание о культуре возникает как следствие того, что культура почему-то становится объектом управления. Она перестает быть стихийным процессом и становится объектом управления. Кто является субъектом управления? Не всегда только государство» [2, с. 4]. Утверждая подобное, В. М. Межуев и предположить не мог, что именно государство окажется единственным реальным субъектом управления культурой и знания о ней, а значит, субъектом управления культурологией в том понимании, которое ученый за ней закрепляет. Понимании, вытекающем из исторически сложившегося обстоятельства, когда жить в культуре, создавать ее – оказывается уже не возможным без знания о ней: «Само возникновение знания о культуре свидетельствует о том, что в какой-то период изменилась сама культура, в ней что-то произошло. Наступило время, когда уже нельзя ни творить культуру, ни создавать культуру, ни жить в культуре без знания о культуре» [2, с. 4]. Характерно, что В. М. Межуев искренне считает, что государство просто не может полноценно функционировать как социальный институт, в частности, без знания о культуре. Такой вывод можно сделать из определения им необходимости социологии культуры как части культурологии, отвечающей за потребителя культурных ценностей: «Во времена Пушкина никакой социологии искусства не было, а великий поэт создавал свои произведения на века. А потом почему-то появился социолог, который сделал объектом своего внимания не автора, а публику. И начал все изучать в деталях. В результате шедевров не стало больше, напротив, стали создаваться однодневки. В чем дело? Центр культурной жизни почему-то перемещается от автора. Это можно объяснить так: потому что Пушкин создавал для потребителя, которого он считал равным себе. Он его пытался поднять до себя, до своего уровня. Сегодня творят, пытаясь уравниваться или опуститься до уровня понимания публики, то есть центр смещается, упор делается не на автора, а на публику. Вот поэтому появляется социология культуры» [2, с. 6]. Государство проявляет интерес к знанию о культуре в связи с тем, что ее произведения достигают публики, то есть граждан, которые составляют социальную основу государства. И каким бы ни было государство, демократическим или авторитарным, – знание

о культуре, которая формирует мировоззрение большинства его подданных, является для него критически важным знанием. Проблема, однако, возникает с тем, как государство распоряжается этим знанием, включает ли оно это знание в свои интересы и как, в свою очередь, влияет на него. Строит ли государство свою политику на знаниях о культуре или, используя политику, влияет на эти знания не в интересах большинства, а лишь какой-то части общества. Сегодня Россия вступила в конфронтацию с Западом, защищая свои национальные интересы, которые, безусловно, имеют под собой не только территориальные, экономические, но и культурные основания. Более того, российское правительство открыто заявило, что именно культурные причины, а именно дискриминация русских по языковому признаку на Украине, являются достаточным основанием для использования военной силы. Тем самым культурная составляющая не только не игнорируется современным российским государством, но ставится в один ряд с экономической, политической и т. д. Безусловно, такая позиция заслуживает одобрения. Вместе с тем, как в современной России учитывается культурная составляющая при анализе тех или иных событий, социально-культурных и социально-экономических приоритетов? И как выглядит механизм принятия решений, взятый со стороны использования в нем культурной составляющей? Даже если оставить в стороне анализ причин, по которым все еще не принятым остается закон о культуре, то реформы образования, которое, несомненно, является частью культуры, не свидетельствуют о государственной заботе о развитии культуры, по крайней мере, в части культурологического образования. К тому же механизм принятия решений современной российской элитой не просто не учитывает мнения большинства, а транслирует большинству мнение элиты. Так, если в идеале предположить, что знания о культуре транслируются по вертикали вверх, где они аккумулируются при принятии решений, то цепочка трансляции, включающая, например, университет, должна была бы выглядеть следующим образом: профессор – декан – ректор – министерство – правительство и т. д. Однако она имеет обратную пропорциональную направленность, и идеи, которые озвучиваются верховной властью, транслируются вниз и подде-

жат исполнению. Такую трансляцию можно было бы только поддержать, если бы речь шла об исполнении решений, информированных культурой. Реальность же такова, что именно культурная составляющая современного общества, того же образования, оказывается более всего уязвимой в результате воплощения решений. Если спуститься с общего на конкретный уровень для поиска примеров и проанализировать нагрузку профессора современного российского вуза, то можно увидеть, что у него остается все меньше времени для качественного исполнения своих обязанностей. Так увеличение загруженности аудиторной работой в сочетании с «бумажной», взять только подготовку учебно-методических комплексов от первого до третьего поколения, не дают ему физической возможности полноценного исполнения своих обязанностей как ученого. Это обстоятельство было замечено учеными из академических институтов, которые сделали неутешительное заключение о субъектах развития современной культурологии, из которых они исключили представителей вузовской науки по причине их зависимости от вузовской бюрократии [1, с. 103]. Так, ученые-культурологи, работающие вне вузовской системы, утверждают следующее: «Сегодня абсолютное большинство культурологов работает в вузах, в системе университетской культурологии. Казалось бы, здесь и должна развиваться наука, но, к сожалению, специфика организации учебного процесса в отечественной вузовской традиции не обеспечивает университетской культурологии серьезных перспектив развития. Задачи образования требуют яркой интерпретации и уплотнения устоявшегося знания, а не введения в учебный процесс дискуссионного нового. Уровней учебно-методической и организационной загруженности преподавателей оставляет им очень мало времени и сил на научную работу» [1, с. 103]. Несмотря на то, что «всякое сравнение хромает» можно все же попробовать сравнить объем работы, выполняемый профессором вуза в современной России, и его коллегой в СССР. Если даже принять грубое высказывание о том, что преподавание культурологии заменило собой преподавание исторического материализма, то количество выполняемой «истматчиком» нагрузки составляло 500 часов, в то время как культурологу в современной России предлагается к выполнению 1000. Иными

словами, для того чтобы непосвященному в вузовскую работу читателю стало понятным, сколько работает современный профессор, – ему следует представить состояние работников деканата или ректората, которые перешли на 16-часовой рабочий день и стали работать в университете и в ночное время. Однако и это еще не все. Если в Советском Союзе фундаментальные научные изыскания осуществлялись в академических институтах, а вузовская наука выступала в качестве пусть и хроматого, но дополнения к академической, то в современной России на плечи вузовской науки ложится вся ответственность за научные изыскания. Аналогия при этом берется из Запада. Действительно, научные исследования на Западе ведутся в университетах. Однако система организации научной деятельности выглядит по-другому. Каждый из сотрудников кафедры отравляется не реже одного раза в два-три года в «сабатикл» (научный отпуск), по возвращении из которого он не только публикует материалы своей научной работы, но и строит на них свое преподавание. При этом объем выполняемой им нагрузки в год составляет 180 часов (4 трехкредитных курса в год), что позволяет ему даже в период преподавания не прерывать активного занятия научной деятельностью.

Такое положение вещей приводит к парадоксальной ситуации, когда чиновник от образования, функции которого состоят в переводе качества работы культуролога в количественное измерение, не всегда способен сохранить связь с реальностью образовательного процесса. Так, из выделяемых ранее на руководство дипломной работой более 30 академических часов сегодня осталось 17, а курсовая работа предполагает участие профессора в работе со студентом в размере всего лишь одного академического часа. Стараясь предотвратить подобное в своей практике, профессор и директор одного из центров Фордхамского университета США качественное развитие образовательного процесса предлагает оценивать неформально, а содержательно. Анализируя механизм образовательного процесса, приводящий к более качественной работе со студентами и коллегами, профессор приходит к выводу, что забота о качестве неожиданным образом сказалась на ее чтении. Она пишет, что с годами у нее выработалась неторопливая манера чтения как слушания,

способная раскрыть аллюзивные смыслы текста, ранее недоступные вниманию. Вот как она описывает рутинную часть своей работы: «В последнюю декаду я работаю над научным изданием новеллы Вирджинии Вулф “Миссис Далловэй”. Это означает что мне приходится сравнивать Британскую и Американскую версию новеллы, прочесывать письма и дневники для того, чтобы собрать историю того, как она решила приступить к написанию новеллы, а также работать со сносками, со множеством сносок» [5, с. 36]. А вот каким оказывается результат длительной и скрупулезной, требующей большого количества времени работы: «Эта работа вселяет в меня и боль и вдохновение. Я должна была замедлить процесс моего чтения до скорости движения ледников и выработать в себе привычку к слушанию того, что я называю свистом собаки, наталкивающим на возможные смыслы». Даже перевод сказанного профессором требует времени, чтобы разобраться в том, что же она, наконец, хочет сообщить своему читателю. Что в ее чтении появилось нового от того, что она стала тратить больше времени на чтение и проникновение в текст. Если бы к ее тексту мы подошли со стороны выделяемого времени на прочтение, которое предполагает курсовая работа, и без проникновения в глубину высказываемого, попробовали бы перевести текст на русский язык, то он прозвучал бы примерно так: «Эта работа является больной, но вдохновляет меня. Я читаю медленно как в ледниковый период. Я читаю так, чтобы услышать собачий свист возможных ассоциаций». Однако даже это было бы немного «олитературный перевод», по крайней мере, предполагающий знание грамматики.

Еще более «интересным» выглядит доступный каждому компьютерный перевод с использованием Google: «Эта работа была поочередно кропотливая и волнующий. Мне пришлось замедлить мое чтение до ледниковом темпе и обучать себя слушать то, что я называю собака свисток о возможном намеке» [Googletranslate]. Кажется невероятным? Попробуйте сами, используя Googletranslate, перевести следующее: «This work has been alternately pains taking and exhilarating. I had to slow my reading down to a glacial pace and train myself to listen to what I call the dog whistle of a possible allusion» [5, с. 36]. Не так давно услугами Google воспользовались чиновники такого уважаемого научного учреждения, как академия

наук, что прославило ее на весь англоязычный мир, так как «институт белка» был переведен как «институт белки» [6]. Оценку смыслового различия между первым, потребовавшим времени и, надеемся, литературным переводом и тем, который требует уложиться в минимальное время, оставляем за читателем. Очевидно, что компьютеры, как бы ни облегчали нашу жизнь, делая за нас рутинную работу, никак не могут создать для нас культуру. Эта задача по силам только человеку, причем человеку культурному. Так, несмотря на то что язык является важнейшим средством культуры для представителей других культур, которые обращаются к его изучению, – он является только дверью в другую культуру, которую человек открывает, но должен еще войти в ее здание и «пожить» в нем. Не все так однозначно со свистом собаки в англоязычной культуре. Свист собаки еще называют «галтоновым свистом», по имени ученого Фрэнсиса Галтона, посвятившего свою работу изучению слухового восприятия животных [3, с. 26–27]. Им и было установлено, что собаки различают звуки, недоступные человеческому восприятию. Это открытие, произведенное в XIX веке, оказало такое влияние на англоязычную культуру, что «собачий свист» стал использоваться как фразеологический оборот для обозначения наличествующего в мире, но не всем открывающегося его содержания. С тех пор «собачий свист» вошел в англоязычную поэзию и прозу [4, с. 80]. Используя российский фразеологизм, можно сказать, что если читать быстро и не вдумчиво, то значение прочитанного, в том числе и значение «собачьего свиста» откроется тогда, когда «рак свиснет». Но вернемся к Анне Фернальд и продолжим цитирование: «Это очень медленное прочтение, чтение как слушание, позволило мне увидеть некоторые удивительные вещи, включая аллюзии к библейской книге Руфи “Одиссея”, которые оказались ранее не замеченными учеными. Это удивительно – открыть, что новела, такая как Вулфовская, содержит более глубокий артистический смысл и заботу, нежели те, которые удалось установить до сих пор. Это дает Вам возможность стать непосредственным свидетелем заключенной в искусстве силы» [5, с. 36].

Вернемся, однако, к сегодняшнему дню и «прозе» в нем, отведенном культурологии. После

крымских событий в прессе прозвучали заверения, что, если санкции по отношению к России окажут серьезное воздействие на экономику страны, то ей придется переходить на мобилизационную форму экономики, практиковавшуюся в ряде периодов в условиях СССР. Однако, что касается образования, культурологического в частности,

никаких разъяснений не последовало. А ведь от того, продолжится ли движение российской образовательной системы в сторону «болонской» или реанимирует «советскую», во многом зависит знание о культуре, которым не только будет располагать государство, но и все российское общество уже в недалеком будущем.

Литература

1. Астафьева О. Н., Багдасарьян Н. Г., Кондаков И. В., Флиер А. Я., Хренов Н. А. Научная ассоциация исследователей культуры // *Вопр. культурологии*. – 2014. – № 1. – С. 103–105.
2. Межуев В. М. Размышления о культуре и культурологии: культурология в контексте современного гуманитарного знания [Электронный ресурс] // *Культурологический журнал*. – Электрон. период. рецензируемое изд., 2011. – С. 4. – URL: <http://www.cr-journal.ru/rus/journals/35.html> (дата обращения: 24.10.2014).
3. Galton Francis (1883). *Inquiries into Human Faculty and its Development*. – Second Edition. – New Yorker: *Dent & Dutton (Everyman)*, 1907. – 286 p.
4. Goodyear Dana. “God Whistle”. *Poetry* // *The New Yorker*. – 2005. – 21 March. – P. 80.
5. Fernald Anne. Not afraid of Virginia Woolf – or a “crisis” in humanities // *The Christian Science Monitor*. – 2014. – 21 Mach. – P. 36.
6. Squirrel institute. – URL: <https://www.flickr.com/photos/centralasian/5000842970/> (дата обращения: 24.10.2014).

References

1. Astaf'eva O.N., Bagdasar'yan N.G., Kondakov I.V., Flier A.V., Khrenov N.A. Nauchnaya assotsiatsiya issledovateley kul'tury [Scientific association of cultural researchers]. *Voprosy kul'turologii* [*Questions of Culturology*], 2014, no 1, pp. 103–105. (In Russ.).
2. Mezhuiev V.M. Razmyshleniya o kul'ture i kul'turologii: kul'turologiya v kontekste sovremennogo gumanitarnogo znaniya [Thoughts on culture and Culturology; Culturology in the context on temporary humanities]. *Kul'turologicheskij zhurnal* [*Culturological magazine*]. Elektronnoe periodicheskoe retsenziruемое izdanie, 2011, no. 1, pp. 1–7. (In Russ.). Available at: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/35.html&j_id=5/ (accessed 24.09.2014).
3. Galton Francis (1883). *Inquiries into Human Faculty and its Development*, Second Edition, New Yorker, Dent & Dutton (Everyman) Publ., 1907. 286 p.
4. Goodyear Dana. “God Whistle”. *Poetry*. *The New Yorker*, 2005, March 21, p. 8.
5. Fernald, Anne. Not afraid of Virginia Woolf – or a ‘crisis’ in humanities. *The Christian Science Monitor*, 2014, Mach 21, p. 36.
6. Squirrel institute. Available at: <https://www.flickr.com/photos/centralasian/5000842970/> (accessed 24.10.2014).